

УДК 398(=511.131):069

**Л. Л. Лихачева**

**УДМУРТСКОЕ ОБРЯДОВОЕ ПОЛОТЕНЦЕ  
В ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОЙ  
ПРАКТИКЕ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**



Рассматривается опыт построения этнографической выставки «Вся жизнь на полотенце» в краеведческом музее. На примере удмуртского полотенца показана роль музейного предмета в раскрытии темы традиционного народного мировоззрения.

В основу выставки легла концепция показа разного вида обрядовых полотенец северных удмуртов в связи с традиционными представлениями о жизни как о «трех свадьбах», связанных с родильно-крестильным, свадебным и похоронно-поминальным обрядами. На основе полевых материалов и музейных предметов рассказывается о крестильных, свадебных и похоронных полотенцах, а также о полотенце призывника. Затрагивается тема использования полотенец в календарных обрядах.

В обрядах северных удмуртов полотенце выполняло символическую, магическую (медиативную и апотропейную), паспортную (знак участника обряда), имущественно-дифференциальную и эстетическую функции. Они взаимопересекались и дополняли друг друга. В работе ставится вопрос о символике удмуртских полотенец с концами, которые оформлены по-разному, и полотенце сине-(голубо)-белого узорного браного ткачества.

На примере традиционного предмета быта и декоративно-прикладного искусства удмуртов – полотенца, – показывая его в обрядовом контексте, мы попытались раскрыть многофункциональность и полисимволичность традиционных предметов материальной культуры, раскрыть поэтический менталитет удмуртского народа, познакомить с важной частью религиозно-мифологической картины мира удмуртов, включая сакральное пространство и время, культы и традиционные ценности.

*Ключевые слова:* удмурты, полотенце, обряды, функции полотенца, традиционное мировоззрение, музей, этнографическая экспозиция, вышивка, ткачество, сакральное пространство.

Сохранение, изучение и популяризация культуры народов севера Удмуртии – одна из главных задач Глазовского краеведческого музея. Наличие в наших фондах коллекции текстиля северных удмуртов, в том числе полотенец; а также изучение символической функции полотенец в контексте обрядов [Лихачева 2002, 51] способствовали возникновению идеи выставки «Вся жизнь на полотенце».



Цель выставки была – через экспозиционную деятельность, на примере удмуртского полотенца, показать роль музейного предмета в раскрытии темы традиционного народного мировоззрения. Мы поставили задачу – раскрыть посетителям символическую и многие другие функции полотенца в зависимости от их обрядовой принадлежности.

Создавая выставку, мы руководствовались положением о том, что вещь не способна говорить сама по себе. Этнографические экспозиции не могут быть сосредоточены исключительно на объектах материальной культуры. Вещь способна заговорить в контексте системы традиционных представлений о мире, воплощенной в обрядах, народном языке и фольклоре [Николаев 2015, 56]. Олег Лысенко, этнограф, сотрудник Российского этнографического музея, пишет по этому поводу: «Этнографическая экспозиция – это прежде всего моделирование этнокультурного пространства» [Николаев 2015, 64].

В основу экспозиционного замысла выставки «Вся жизнь на полотенце» была положена идея показа религиозно-мифологической картины мира удмуртов; главным образом, такого философского понятия, как «человеческая жизнь», осуществляемая через показ полотенца – как предмета декоративно-прикладного искусства и предмета быта.

Согласно традиционным представлениям удмуртов, жизнь состоит из трех свадеб. Рождение – свадьба младенца, с новорожденным в ходе обряда *нунысюан* ‘свадьба новорожденного’ знакомится широкий круг родственников и принимает его в свое общество.

Во время настоящей свадьбы невесту принимает род мужа, а жениха – род невесты, соединяя два рода.

Похоронный обряд (третья свадьба) как «свадьба умершего»: его принимает в свое общество мир предков. Каждому из трех переходных периодов в жизни человека соответствует особое полотенце.

Полотенце использовалось и в календарной обрядности. Например, в весеннем обряде *гырыны потон* (праздник первой борозды) как награда победителю скачек; на шею его лошади повязывали декоративное полотенце, полученное от молодухи [Христолюбова 1991, 169]. В обряде *вожодыр* (время духов вожо, переходное время), приходившемся на дни зимнего солнцестояния, а с христианизацией объединившем период от рождества до крещения, полотенце встречается как элемент костюма ряженных. Мы наблюдали, как во время *вожодыра* в д. Пушошур Глазовского р-на в нач. 2000-х гг. ряженные пожилые женщины завязывали вышитые крестом полотенца на поясе, узлом на спине, и красиво расправляли их концы ниже поясницы. Известен удмуртский послесвадебный обряд *сялтым басьтон* ‘взятие сялтыма’: во время первого сенокоса молодуху купали в реке, и чтобы быстрее ее выпустили из воды, она обещала выкуп – приглашала родню в гости и дарила свекрови вышитое полотенце (1 Полевые материалы – далее ПМ).

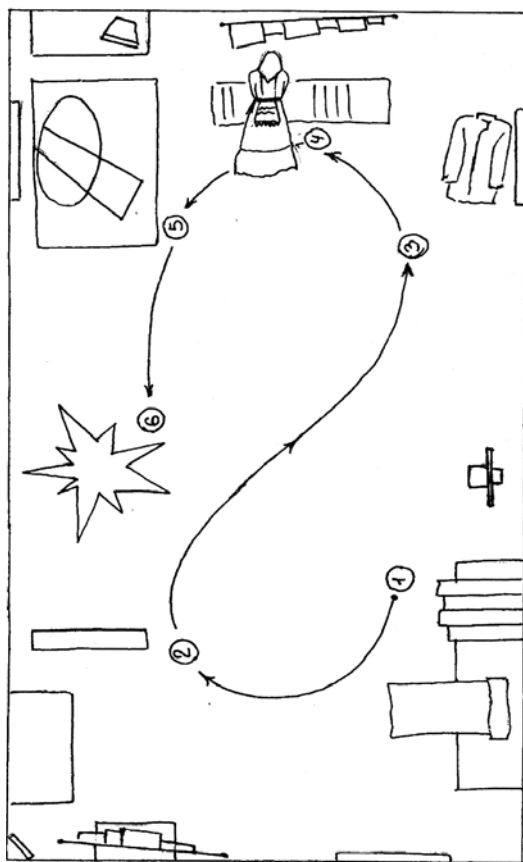
Известны случаи применения полотенца в народной медицине. Широка его утилитарная функция. Таким образом, полотенце сопровождало человека всю его жизнь, отсюда и название выставки.

Экскурсанты шли от экспозиционного комплекса к комплексу, начиная движение, как это было принято в традиционной, в том числе удмуртской, культуре,



«по-солнышку». Маршрут продвижения по выставке имел вид восьмерки, что тоже символично. Восьмерка – символ бесконечности, вечности, так как восьмерка состоит из двух кругов, символов движения «посолонь» и «противосолонь». Дуализм, как неперемное условие существования всего мира, и является символом вечности. «Восьмерка» – это еще 4 основных и 4 промежуточных стороны света, то есть весь свет, весь мир (рис. 1). Построив таким образом экспозицию и выстроив таким способом маршрут экскурсии, мы усиливали сакральность пространства нашей выставки и акцентировали внимание зрителя на теме сакрального пространства в традиционном мировоззрении.

Первый экспозиционный комплекс назывался «Первая свадьба. Рождение». В нем рождение человека мы сравнивали с рождением полотна, начало которого – волокно и спряденная из него нить. Колесо прялки сравнивали



Цифрами обозначены экспозиционные комплексы:

- 1 – Рождение полотна. Рождение Человека.
- 2 – Свадьба. Красный угол.
- 3 – Третья свадьба.
- 4 – Южно-удмуртские полотенца.
- 5 – Полотенца в современном интерьере.
- 6 – Ель Инмара.

Рис. 1. План выставки  
«Вся жизнь на полотенце»

с колесом жизни. Закрутилось колесо – началось прядение нити. Родился человек – запустилось его колесо жизни. Уже при рождении человек впервые вплотную соприкасался с полотном: «После того, как новорожденного бабушка омоет комнатной водой, завертывает его в чистые холщевые пеленки (сделанные из поношенного белья взрослых) и кладет к матери для кормления грудью», – писал Кузубай Герд [Герд 1997, 240]. Возможно, для этой цели использовалось и старое обрядовое полотенце. На наш взгляд, это был не только физически мягкий контакт. Родившийся ребенок считался еще очень близким к миру природы. Они схожи – и человек, и полотно находились в промежуточном состоянии, так как ребенок *пришел*, а старая ткань готовилась «уйти», вернуться в мир природы. Благодаря поношенной ткани, ребенок мягко, через этот «буфер», «амортизатор», переходил в мир культуры. Родительские пеленки считались еще и сильным оберегом.

Позже родственники проводили обряд крещения в православном храме или обряд домашнего крещения (иногда проводили оба обряда). При крещении ребенка передавали на полотенце в руки крестных родителей. На крещение в церкви дарили полотенце



Рис. 2. Полотенце крестильное. Изготовлено в 1958 г. Было подарено мальчику при крещении в церкви с. Архангельское Красногорского р-на УАССР в 1969 г. Принадлежит Вершинину Павлу Анатольевичу, жителю г. Глазова



Рис. 3. На юношах – полотенца, подаренные при проводах в армию. Фото из семейного архива Сизова Евгения Борисовича. Глазовский р-н УАССР. 1960-е гг.

с вышитыми крестами (рис. 2). Это полотенце человек хранил всю жизнь как оберег, как семейную реликвию. Бабушке-повитухе на крестинах также дарили отрез холста и полотенце [Герд 1997, 265]. В обряде крещения полотенце являлось символом мира культуры. Когда ребенка клали на полотенце, признавалось, что человек из мира природы вступал окончательно в мир культуры, становился членом общества [Лысенко, Комарова 1992, 19].

В первом же экспозиционном комплексе было представлено молодое время жизни человека – молодость (*егитдыр*). Вышитое полотенце дарили юноше, провожая в его в армию (рис. 3). Призывник (ранее – рекрут) до самой отправки из родных мест, носил полотенце на шее, а потом отдавал матери. Полотенце бережно хранили в чистом, почетном месте, например, около иконы, в красном углу, до возвращения юноши (2ПМ). Оно постоянно напоминало в доме о сыне, как бы замещало его. Называлось такое полотенце «*Армие келян чушкон*» (2ПМ).



Рис. 4. Полотенце вышитое, подаренное призывнику при проходах в армию. Д. Золотарёво Глазовского р-на Удмуртской Республики. 1980-е гг. Принадлежит Булдаковой Елене Михайловне, жительнице д. Золотарёво Глазовского р-на УР



Рис. 5. Экспозиционный комплекс «Свадьба. Северные удмурты». Полотенца из приданого невесты, вывешенные на свадьбе в доме жениха на обозрение – обычай «дйсь ошон» («вывешивание одежды»). В центре – красно-белое полотенце с разными концами, расположенными друг под другом

Полотенце было и символом пожелания счастливого пути. До сих пор в севернoudмуртских деревнях и в г. Глазове существует этот обычай. Еще в 1990-е гг. иногда призывнику дарили вафельные полотенца с вышитым в технике «крест» растительным орнаментом (ЗПМ). С 90-х гг. чаще используют уже обычные, без вышивки, полотенца, часто покупные белые вафельные и даже махровые. С 1980-х гг. по сегодняшний день в удмуртской деревне и в г. Глазове живет традиция: провожающие (молодежь) оставляют на полотенце надписи – пожелания (ЗПМ, 4ПМ, 5ПМ) (рис. 4).

Девушка, подрастая, начинала ткать льняные холсты, готовя приданое. По белой чистой дорожке – белому холсту – выходила невеста к жениху в первый день свадьбы из *кеноса* (амбара-клети). Белый холст (символ светлой и гладкой дороги, пожелание невесте светлого жизненного пути, материального достатка) соединял первый экспозиционный комплекс с кульминацией выставки: разделом «Полотенце в свадебном обряде северных удмуртов».

Этот (самый богатый и ярко оформленный) комплекс представлен следующими темами: «Красный угол», «Приданое», «Окно», «Свадебная дуга». Небольшие экспозиционные комплексы показывали праздничный интерьер избы во второй день свадьбы. Это свадьба – в доме жениха. Красный угол был празднично оформлен недлинным, белым, нарядным полотенцем – на иконе. Тема «Приданое» раскрыта показом обычая *дйсь ошон* ‘вывешивание одежды’: невеста демонстрировала на жерди свои наряды и рукоделие, в том числе множество разнообразных полотенец (рис. 5). Одни достались ей от матери и бабушки, другие вытканы и



Рис. 6. Полотенце свадебное. Изготовлено в качестве приданого Жуйковой Варварой Валентиновной, удмурткой, 1878 г.р., ур. д. Зилай Глазовского уезда Вятской губ. Браное ткачество красно – белого цвета. Концы одинаковые за исключением разных кружев. Северные удмурты. Нач. XX в. Длина – 396 см. Фонды Глазовского краеведческого музея (далее ГKM). 3129-ГKM

вышиты для украшения ее нового дома, третьи приготовлены для использования в быту. Холсты, полотенца, демонстрировались также в открытых сундуках и коробах невесты.

Среди полотенец были и те, что невеста готовила для подарков всем гостям со стороны жениха (*сюанчи*) и дарила в своем доме в первый день свадьбы. В 1960–70-е гг. это были вафельные, вышитые крестом полотенца. Их называли «паспорт». *Сюанчи* повязывали их на талию, красиво расправляя концы так, чтобы виден был вышитый узор (6ПМ). Полотенца не только служили атрибутом участника обряда, но играли здесь роль, объединяющую род жениха и род невесты.

На жерди (рис. 5) посетителю была представлена настоящая «эволюция полотенца»: самое старинное – льняное, вышитое в технике «счетная гладь, косой стежок»; на смену вышитым счетной гладью полотенцам пришли бытовавшие во вт. пол. XIX – нач. XX в. полотенца, украшенные красно-белым геометрическим орнаментом в технике узорного браного ткачества; в 1920–30-е гг. появляются полотенца, вышитые на льне «крестом» (техника, перенятая от русских мастериц) и – со штампованным узором «Петухи»; в 1950-е г. большое распространение получают полотенца, вышитые «крестом» на «вафельном» хлопчатобумажном полотне. Длинные полотенца, 3–5 м, с красно-белым орнаментом браного ткачества на концах, называли *кузькышет* ‘длинный платок’, *чоге ошон* ‘для вывешивания на крюк’ (рис. 6). На выставке было показано, как во время свадьбы обрамляли ими оконную раму и развешивали волнообразно на стенах.

Окно удмурты представляли каналом связи с «другой стороной», «тем миром» [Ившина 2002, 45], оно являлось границей. И такие полотенца, на наш взгляд, с одной стороны, защищали свой мир от «чужих», злых духов. Красный цвет в них имел функции оберега и средства против сглаза. Цвет и орнамент были связаны с древними земледельческими культами удмуртов, особым отношением к солнцу, луне, огню. С другой стороны, на наш взгляд, орнаментальные мотивы несли в себе и знаки конкретного рода и, поэтому, «приглашали» на праздник «своих» предков-покровителей, символизировали единство с ними. Таким образом, данные полотенца выполняли апотропейную и медиативную функции.

Через оконный проем, установленный на выставке и олицетворяющий границу между миром культуры и миром природы, было перекинута полотенце («кузькышет») – символическая дорога, соединяющая миры, по которой родители жениха



Рис. 7. Полотенце с разными концами из приданого невесты. Изготовила Жуйкова Варвара Валентиновна, удмуртка, 1878 г.р., ур. д. Зилай Глазовского уезда. Вышивка крестом на льне. Северные удмурты. Нач. XX в. Длина 280 см. Фонды ГKM. 3130-ГKM



Рис. 8. Экспозиционный комплекс «Свадьба. Южные удмурты». Полотенца из приданого невесты, вывешенные на свадьбе на обозрение в доме жениха

или невесты, если они уже умерли, могли прийти на свадьбу с «того света» (Устное сообщение фольклориста Т. Г. Владыкиной. 1993 г.).

Часто на полотенцах, украшенных красно-белым браным ткачеством, обозначенных в музее как элемент приданого, мы видим по-разному оформленные концы (рис. 5). Информаторы сообщали, что на одном конце невеста размещала орнамент своего рода, а на другом – рода жениха (7ПМ). Центральные полосы у них разные, зато верхние и нижние полосы двух концов идентичны между собой. Вероятно, это подчеркивало пожелание крепкого единства двух родов. Позже у северных удмуртов появились и вышитые «крестом» свадебные полотенца с разными концами (рис. 7). Вероятно, в них уже не закладывался смысл единства двух соединяющихся родов, а появился тот смысл, о котором будет сказано ниже относительно подобных полотенцев южных удмуртов.

Чтобы показать многообразие удмуртского национального искусства, его национальные и локальные особенности, на выставке был представлен раздел «Южно-удмуртские полотенца», и экскурсовод делал акцент на полотенце *чушкончалма* – головном уборе южных удмурток с яркими концами (рис. 8).

Показ в экспозиции был продуман так, что зритель задумывался: 1. Почему концы одного полотенца из приданого невесты вышиты разными узорами? (рис. 9). Ответ: вышивали так, чтобы создавалось впечатление двух полотенцев, это имело значение при оценке приданого невесты – подсчете родственницами мужа количества полотенцев (8ПМ).



Рис. 9. Полотенце с разными концами из приданого невесты. Изготовила Логинова Екатерина Алексеевна, удмуртка, 1913 г. р., ур. д. Волково Малмыжского уезда, ныне Вавожского р-на Удмуртии. Изготовлено в д. Волково. Вышивка крестом на льне. Южные удмурты. Нач. 1930-х гг. Длина – 192 см. Фонды ГКМ. 4672-ГКМ



Рис. 10. Экспозиционный комплект «Третья свадьба» выставки «Вся жизнь на полотенце».

2. Почему на полотенцах из приданого пришиты тесемки, кисточки с пуговицами? Ответ: от сглаза, «чтобы рука не ушла» (то есть, чтобы женщина не потеряла свое мастерство) и в знак того, что этот узор позаимствовала другая мастерица. Сколько кисточек (тесемок), столько раз был снят узор.

Таким образом, полотенце на свадьбе выполняло следующие функции: символическую; магическую – обереговую, медиативную; паспортную (знак участника обряда), имущественно-дифференциальную, эстетическую. Они взаимопересекались, дополняя друг друга.

Следующая тема, раскрытая на выставке: «Третья свадьба. Похоронно-поминальный обряд» (рис. 10). Для выноса гроба держали специальные полотенца – белые без декора: брали холст и подгибали края. Называлось такое полотенце *корос поттон чушкон* (полотенце для выноса гроба / луба) (9ПМ). При выносе гроба удмурты использовали и простые, не подогнутые и не подшитые, холсты (10ПМ). Еще один вид похоронного северно-удмуртского полотенца выглядел следующим образом: к белому узорному многоремизного ткачества полотну пришиты концы, выполненные в технике браного ткачества с использованием только белых нитей. Длина полотенца – 3 м 12 см (рис. 11). (6ПМ).

Как показать похороны в экспозиции? Несколько полотенец мы размещали горизонтально вдоль свадебного платья (которое после смерти женщины стано-





*Рис. 11.* Полотенце похоронное белого цвета. Принадлежало Главатских (Корепановой) Прасковье Кузьмовне, удмуртке, ур. д. Кочишево Глазовского уезда 1907 г. р., вышедшей замуж в д. Трубашур Глазовского уезда, возможно, ею и изготовлено. В орнаменте браного ткачества в средней горизонтальной полосе можно увидеть мотив «кресты в ромбе». Длина – 312 см. Принадлежит Сизовой Глафире Всеволодовне, жительнице д. Адам Глазовского р-на



*Рис. 12.* Полотенце с концами браного ткачества из белых и голубых нитей. Обрядовая принадлежность остается под вопросом. Центральное полотно выткано в технике узорного многоремизного ткачества «белым по белому». Северные удмурты. Середина XX в. Длина – 340 см. Фонды ГKM. 4425-ГKM

вилось похоронным, а одно – устремленным ввысь. Полотенце – символ пути, связывающего «этот» и «тот» свет. Это путь светлых, праведных душ; по верованиям удмуртов, после земной жизни боги забирают их на небеса. На косяк окна вывешивалось специальное полотенце – у чаши с водой, которая ставилась на подоконник, чтобы душа умершего могла умыться и утереться (рис. 10).

Правомерно было показать на выставке холсты, поскольку иногда отрез холста служил символом души человека или замещал самого человека. Бывало так, что человек погибал вдали от дома. Тогда брали кусок холста, равный росту человека, и делали символическое захоронение на деревенском кладбище [Владыкин 1994, 164].

Полотенца в похоронно-поминальном обряде связывали два мира, играя медиативную роль, являлись символом мира, где обитали чистые души, предки-помощники. В похоронном обряде дольше, чем в других, сохранялось отношение к белому цвету как ритуальному. Белые ткани, в том числе одежда, ассоциировались у удмуртов с миром богов и миром предков [Белицер 1951, 97]. Именно такое отношение к белому цвету прослеживается в народе во всех трех основных обрядах жизненного цикла.

В фондах Глазовского краеведческого музея имеются полотенца, концы которых украшены трехчастной композицией браного ткачества из голубых нитей, при этом обычно присутствуют узкие полосы красного и черного цвета (рис. 12).



*Рис. 13.* Полотенце – новодел.  
Изготовлено по образцу северно-удмуртского полотенца.  
См. рис. 14.  
Фонды Центра ремесел г. Глазова



*Рис. 14.* Полотенце праздничное.  
Изготовила Мышкина Анастасия Перфиловна, удмуртка, 1889 г. р.,  
жительница д. Шудзя Глазовского р-на.  
Северные удмурты. 1-я четв. XX в.  
Фонды Центра ремесел г. Глазова

Длина этих полотенец 3–4 м. Есть предположение, что такие полотенца были похоронными. Утверждать это мы не можем, но в пользу версии есть некоторые данные. Действительно, синий цвет не такой «жизненный», как красный. Все эти полотенца довольно длинные, на них вполне могли выносить гроб. Наши личные наблюдения 1980–2000-х гг. показывают, что в современном похоронно-погребальном обряде часто всем его участникам близкая родственница умершего человека дарит носовые платки синего, иногда сине-белого цвета. О связи синего цвета со «смертной темой» свидетельствует и такой факт, о котором нам рассказали в Центре ремесел г. Глазова. Жительница д. Шудзя Глазовского р-на, Анастасия Перфиловна Мышкина, 1889 г.р., уже будучи замужем, выткала праздничное красно-белое полотенце. Четыре ромба центральной полосы орнамента символизировали рожденных ею четверых детей. Когда умер сын мастерицы, красный конец полотенца был отрезан, и между ним и белым полотном была вставлена полоса ткани шириной 6 см. В центре этой полосы было вышито синей нитью два треугольника, расположенных вершинами навстречу друг другу. Этот мотив был размещен на полотенце в память об умершем сыне. По бокам этой композиции размещены по два крупных цветка, выполненных светло-красными нитями (рис. 13, 14) (ГПИМ). Работу над семантикой синего и голубого цвета в текстиле удмуртов необходимо продолжить.

Завершалась экскурсия по выставке тематико-экспозиционным комплексом «Мировое древо. Ель Инмара». На ветвях дерева расположились с одной стороны –



южно-удмуртское, а с другой – северноудмуртское полотенце, символизируя единство народа. Пара – «дерево-полотенце» символизировала пограничное пространство: границу природы и культуры, границу человеческого и божественного, а также была символом такого сакрального пространства, как луд (священная роща), где ель – Мировое дерево, а полотенца – символ даров верховным богам. Пара «дерево-полотенце» символизировала также канал/путь/способ связи людей и богов.

Таким образом, на примере традиционного предмета быта и декоративно-прикладного искусства удмуртов (полотенца), показывая его в обрядовом контексте, мы попытались раскрыть многофункциональность и полисимволичность традиционных предметов материальной культуры, познакомить с важной частью религиозно-мифологической картины мира своих предков, такой как сакральное пространство и время, культы и традиционные ценности.

#### ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Полевые материалы (далее ПМ). Зап. от Е. П. Люкиной, удмуртка, 1916 г. р., Глазовский р-н, д. Золотарево, 2015 г. Соб. Н. А. Владыкина.

2. ПМ. Зап. от Е. Б. Сизова, удмурт, 1947 г. р., Глазовский р-н, д. Кельдыково, 2016 г. Соб. Л. Л. Лихачева.

3. ПМ. Зап. от К. А. Золотаревой, удмуртка, 1978 г. р., Глазовского р-н, д. Золотарево, 2016 г. Соб. Л. Л. Лихачева.

4. ПМ. Зап. от С. В. Муратовского, удмурт, 1983 г. р., г. Глазов, 2016 г. Соб. Л. Л. Лихачева.

5. ПМ. Зап. от Е. А. Хмелевской, удмуртка, 1989 г. р., Глазовский р-н, д. Адам, 2016 г. Соб. Л. Л. Лихачева.

6. ПМ. Зап. от Г. В. Сизовой, удмуртка, 1947 г. р., Глазовского р-н, д. Адам, 2016 г. Соб. Л. Л. Лихачева.

7. ПМ. Зап. от Е. Г. Возмищевой, удмуртка, 1933 г. р., Глазовский р-н, д. Шудзя, 2016 г. Соб. В. П. Докучаев.

8. ПМ. Зап. от Н. П. Кудрявцевой, удмуртка, 1960 г. р., Можгинский р-н, пос. Черемушки, 2010 г. Соб. Л. Л. Лихачева.

9. ПМ. Зап. от Л. В. Авиловой, удмуртка, 1936 г. р., Глазовский р-н, д. Пышкец, 2002 г. Соб. Л. Л. Лихачева.

10. ПМ. Зап. от К. В. Тимчак (Завалиной), удмуртка, 1981 г. р., Ярский р-н, д. Лэзя, 2016 г. Соб. Л. Л. Лихачева.

#### ЛИТЕРАТУРА

*Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1951. 142 с.  
*Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.

*Герд К.* Человек и его рождение (У восточных финнов) // К. Герд. О ней я песнь пою... Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 188–274.

*Ившина М. В.* Феминная символика внутреннего пространства дома в удмуртской этнокультурной традиции // Материальная и духовная культура народов Поволжья



и Урала: история и современность. Материалы регион. науч.-практич. конф. Глазов, 2002. С. 43–46.

Лихачева Л. Л. Символика удмуртского полотенца // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность. Материалы регион. науч.-практич. конф. Глазов, 2002. С. 51–53.

Лысенко О. В., Комарова С. В. Ткань. Ритуал. Человек. СПб.: Астур, 1992. 43 с.

Николаев О. Традиционный миф в плену у музейного мифа: как музейщикам перестать рассказывать детям «сказки»? // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия. Вып. 2. М., 2015. С. 50–73.

Христолюбова Л. С. Предметный мир обрядов // Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX–XX веках. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 157–175.

Поступила в редакцию 05.09.2017

**Лихачева Любовь Леонидовна**,  
заведующая этнографическим отделом,  
МБУК «Глазовский краеведческий музей»  
427620, Россия, г. Глазов, ул. Кирова, 13  
e-mail: [lubov.lihacheva@gmail.com](mailto:lubov.lihacheva@gmail.com)

*L. L. Likhacheva*

### **The Udmurt Ritual Towel in the Exposition and Exhibition Practice of the Museum of Local Lore**

The experience of the “All Life on a Towel” ethnographic exhibition arranging in the Museum of Local Lore is considered. The example of the Udmurt towel shows the role of a museum exhibit in the revealing of the people’s traditional worldview.

The exhibition is based on the concept of showing different kinds of ceremonial towels of the northern Udmurts in connection with the “three weddings” traditional wisdom of life associated with the maternity-baptismal, wedding and funeral-memorial ceremonies. Baptismal, wedding and funeral towels, as well as the towel of the draftee are told about basing on the field materials and museum exhibits. The theme of using towels in calendar rituals is touched upon.

Towels performed the symbolic, magical (meditative and apotropaic), passport (the sign of a rite participant), property-differential and aesthetic functions in the ceremonies of the northern Udmurts. These functions intersected and complemented each other. The paper raises the question of symbolism of the Udmurt towels with the ends decorated differently, and symbolism of towels with blue (light blue)-white pattern of loom weaving.

Thus, studying the towel as an item of traditional household and the applied and decorative art of the Udmurts, and showing it in the ritual context, we have tried to reveal the multi-functionality and poly-symbolism of the traditional artifacts, the Udmurt people poetic mentality, and to acquaint our visitors with an important part of the religious mythological view of the Udmurt world, such as sacral space and time, cults and traditional values.

*Keywords:* the Udmurts, towel, rituals, towel functions, traditional worldview, museum, ethnographic exposition, embroidery, weaving, sacral space.

**Citation:** Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 4, pp. 115–127. In Russian.



REFERENCES

**Belitser V. N.** *Narodnaya odezhda udmurtov* [Folk clothes of the Udmurts]. Moscow, Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1951. 142 p. In Russian.

**Vladykin V. E.** *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious and mythological world view of the Udmurts]. Izhevsk, Udmurtiya, 1994. 383 p. In Russian.

**Gerd K.** *Chelovek i ego rozhdenie (U vostochnykh finnov)* [The man and his birth (of the Eastern Finno-Ugric peoples)] *K. Gerd. O nei ya pesn' poyu... Stikhi i poemy, stat'i i nauchnye raboty, pis'ma* [K. Gerd. About her, I sing a song... Poems, articles and scientific works, letters]. Izhevsk, Udmurtiya, 1997, pp. 188–274. In Russian.

**Ivshina M. V.** *Feminnaya simbolika vnutrennego prostranstva doma v udmurtskoi etnokul'turnoi traditsii* [Feminine symbolism of the internal space of the house in the Udmurt ethno-cultural tradition]. *Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Povolzh'ya i Urala: istoriya i sovremennost'*. *Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Material and spiritual culture of the peoples of the Volga and the Urals: history and modernity. Materials of the regional scientific-practical conference]. Glazov, 2002, pp. 43–46. In Russian.

**Likhacheva L. L.** *Simbolika udmurtskogo polotentsa* [Symbolism of the Udmurt towel]. *Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Povolzh'ya i Urala: istoriya i sovremennost'*. *Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Material and spiritual culture of the peoples of the Volga and the Urals: history and modernity. Materials of the regional scientific-practical conference]. Glazov, 2002, pp. 51–53. In Russian.

**Lysenko O. V., Komarova S. V.** *Tkan'. Ritual. Chelovek* [Cloth. Ritual. Human]. St. Petersburg, Astur, 1992. 43 p. In Russian.

**Nikolaev O.** *Traditsionnyi mif v plenu u muzeinogo mifa: kak muzeishchikam perestat' rasskazyvat' detyam «skazki»?* [The traditional myth in the captivity of the museum myth: how to keep museum workers from telling children the “fairy tales”?]. *Muzei kak prostranstvo obrazovaniya: igra, dialog, kul'tura uchastiya. Vyp. 2* [The museum as education space: game, dialogue, culture of participation. Issue 2]. Moscow, 2015, pp. 50–73. In Russian.

**Khristolyubova L. S.** *Predmetnyi mir obryadov* [The artifact world of rites]. *Khozyaistvo i material'naya kul'tura udmurtov v XIX–XX vekakh* [Economy and material culture of the Udmurts in the XIX–XX centuries]. Izhevsk, UIIYaL UrO AN SSSR, 1991, pp. 157–175. In Russian.

Received 05.09.2017

**Likhacheva Ljubov Leonidovna,**  
Head of the Ethnographic Department,  
Glazov Museum of Local Lore,  
13, ul. Kirova, Glazov, 427620, Russian Federation  
e-mail: lubov.lihacheva@gmail.com